

Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. СОЦИАЛЬНАЯ ГЕРОНТОЛОГИЯ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУД. ВЫСШ. УЧЕБ. ЗАВЕДЕНИЙ. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 224 с.

Выход в свет учебного пособия "Социальная геронтология" для вузов представляется весьма своевременным, поскольку в России существует дефицит теоретических и учебно-методических разработок по данной проблематике. Это один из проектов, который претендует на достойное место среди учебников по новым социальным и медицинским дисциплинам. Отметим сложность написания подобного учебного пособия в связи с тем, что по социogerонтологической проблематике в нашей стране почти отсутствуют теоретические обобщения, ощущается острая нехватка фактической информации [1]. Каких-либо современных переводных работ по социальной геронтологии или социальной работе с пожилыми пока не появилось (за рубежом накоплен немалый опыт исследований и практической деятельности в этой области) [2]. Авторы данной книги используют современный научный материал по истории геронтологических проблем, ряду направлений современной социальной геронтологии. В книге подобающее место уделено вопросам социальной защиты и социальной работы с пожилыми людьми, медицинским проблемам старшего поколения.

Однако отдельные содержательные моменты вызывают у нас принципиальное несогласие: они устарели и не отвечают современному пониманию предмета. Прежде всего, трудно согласиться с дефиницией центральных понятий. В учебнике даны пять определений старости и старения, в каждом из которых подчеркивается исключительно биологическая сущность данных явлений. Авторы отмечают, что старение - "разрушительный процесс, который протекает в результате нарастающего с возрастом повреждающего действия внешних и внутренних факторов и ведет к недостаточности физиологических функций организма", "процесс противоречивого развития живых клеток". Они настойчиво повторяют, что старость - это "заключительный период", "заклучительная фаза человеческой жизни", "старость и смерть неизбежны", "закономерным завершением процесса старения является смерть" (с. 5). Таким образом, ими предлагается негативная геронтологическая версия, представляющая старение по модели лавинообразного сбоя систем организма.

На обложке издания, иллюстрируя представления авторов о старости, - фотография пожилой женщины в темном платке, ее поза вызывает жалость к беспомощной и слабой старушке. Старение предстает в виде нисходящей стрелы онтогенеза, определяется исключительно как процесс, имеющий антигомеостатический, дезадаптационный характер. Время старости сводится к биологической и календарной формам, в которых нет места социальному, экзистенциальному бытию человека: "В геронтологии, - говорится на с. 19, - оперируют понятиями календарного и биологического возраста. Календарный возраст... определяется на основании документально подтвержденной даты рождения... Определение биологического возраста очень важно для разграничения физиологического и преждевременного старения, разработки профилактических мероприятий, социальной защиты человека, проведения пенсионной политики". Последний аспект занимает немало внимания авторов пособия, что объясняется бременем, которым якобы выступают старики для трудоспособных групп общества: "Старость - самый тяжелый период жизни человека, а демографическое постарение требует от общества все больших затрат финансовых и других материальных ресурсов на обслуживание этой возрастной категории населения" (с. 3).

Старость здесь артикулируется в качестве символа опасности, ловушки: "смерть у старых людей наступает внезапно от какого-либо банального заболевания, которое очень быстро приводит к старческой немощи, и человек, не успевший осознать всего происходящего, умирает в драматической ситуации душевного разлада" (с. 62). Наступление старости воспринимается как непосредственный признак близящегося распада Я, или окончания незавершенной биографии: "Неприятнь к непривычному"

очень распространена среди пожилых людей. Все чаще их окружает новое, малопонятное, возникает необходимость в пересмотре своих позиций, угнетают материальные трудности" (с. 62). Все это, несомненно, конструирует имидж пожилого человека как человека больного, утратившего ясность ума, живость и адекватность реакции, пассивного и эмоционально неустойчивого. Правда, авторы считают с тем, что некоторые "люди сохраняют до глубокой старости физическую активность, бодрость духа, внешнюю молоджавость, веселый нрав и оптимизм". Однако эти особенности личности и другие черты характера пожилого человека (мрачность, бездеятельность, недовольство собой) для "почти всех исследователей" выступают не чем иным, как «"карикатурными различиями" анамнеза» (с. 58).

Отметим, что этимология не дает только негативные коннотации понятий "старость". Слова *старый* и *старший* восходят к славянскому *старый* — *крепкий*, в английском *ageing* одновременно присутствуют два значения: *старение* и *взросление*, немецкое *Alter* (старость) близко к *Eltern* (родители), слово старость в древних языках связывалось по смыслу с жизненной силой, энергией [3]. Современное представление о старости все более смещается по направлению к ее более отчетливому позитивному определению. Мы считаем необходимым учитывать нелинейный характер старения, который предполагает многостадийное развитие, разнонаправленные процессы ослабления, упрощения и одновременного усложнения. В таком понимании жизнедеятельность человека на различных этапах жизненного пути не представляется полностью сбалансированной, в ней всегда можно наблюдать слабые точки, внутренние напряжения, конфликтные ситуации, структурные "дефекты". Наряду с этим, каждый этап жизненного пути, в том числе и старость, обладает своими преимуществами, позитивными свойствами, характеризуется разнообразием способов и стилей жизнедеятельности, которые оказываются еще более многообразными в силу специфики социальных и культурных условий. Студенты, преподаватели и специалисты-практики, на наш взгляд, должны знать, что старость многолика в разных культурно-исторических контекстах, в зависимости от того, как ее определяет общество. В пособии есть попытки продемонстрировать социокультурные различия старения: так, в разделе "Старческие недомогания и старческая немощность. Способы их облегчения" (с. 51) говорится об особенностях старения в сельской местности.

Центральная ориентация авторов учебного пособия на гериатрические вопросы представителей третьего возраста, на наш взгляд, несомненно сужает предметное поле социальной геронтологии, вынося за скобки многие важные социogerонтологические проблемы: политическую активность пожилых людей, гендерные аспекты геронтологии, конструирование социальных связей пожилых людей, участие их в формальных и неформальных видах активности внутри сообщества, геронтологическую идентичность, коммуникативные ресурсы представителей третьего возраста. Особого внимания, на наш взгляд, требуют социальные и социетальные вопросы старения на макроуровне, структурных изменений жизненного курса в стареющем обществе.

Хорошая задумка авторов проработать раздел "Социальные теории старения", видимо, из-за недостатка литературы "вылилась" в четыре страницы (с. 41—44) беглого обзора без упоминания имен ученых, названий их основных работ. Кроме того, изложение социальных теорий старения, необходимых для понимания жизни старого человека, оказалось недосказанным и запутанным. Например, теории наименования и маргинальности приписывается точка зрения, что "основной характерной чертой старости является пассивность" (с. 42). А ведь именно теория наименования, или теория ярлыков объясняет социальный характер определений [4]. От имени теории возрастной стратификации заявлено, что старые люди не участвуют в "системе власти и влияния" (с. 43), без раскрытия механизма действия практик исключения в возрастном контексте. Данное заявление вообще никак не комментируется, хотя имеется достаточно опровергающих этот тезис примеров. Так, мы до недавнего времени жили в геронтократическом государстве; подтверждение безусловного авторитета пожилых

людей дают нам также восточные общества. Хотя не подвергается сомнению высказывание о том, "что во всех цивилизованных странах к старым людям относятся плохо, а во всех традиционных аграрных доиндустриальных обществах к ним относятся положительно" (с. 84), исторические прецеденты фиксируют вариативность отношений к пожилым людям. Например, американцы называют пожилых людей не стариками, а уважаемыми гражданами - senior citizens. Авторы делают небольшое отступление от генеральной линии геронтологии: на одной странице раскрываются позитивные свойства старости (с. 88) в разделе под характерным названием "Понятие о психическом старении. Психический упадок. Счастливая старость". Однако для Р. Яцемирской и И. Беленькой "счастливые старые люди" — это те, кто пришел в "полное согласие с самим собой, с внешним миром, с естественным ходом событий и, наконец, с неминуемостью завершения собственной жизни" (с. 88).

Рецензируемое пособие воспроизводит, как нам представляется, основной недостаток социогеронтологических исследований - рассмотрение старшего поколения, главным образом, как объекта социальной помощи и защиты. Между тем современные пожилые люди отказываются "сидеть на своем месте" - под медицинским, психиатрическим надзором, под присмотром органов социальной защиты - и "заниматься своим делом". Они хотят и могут практически решать социальные и политические проблемы, находят адекватное поле для реализации своих сил, остаются интегрированными в социальном пространстве. Приверженность пожилых людей сохраняемой схеме ретроградного поведения не характеризует их как носителей консервативной силы, а скорее носит вторичный характер, означает компенсаторное стремление уравновесить своим конформизмом угрозу, создаваемую разобщенностью поколений.

Экономико-утилитарный дискурс ряда разделов не оставляет сомнения в том, что пожилые люди рассматриваются, если не как слабые девианты, то как все еще "полезный материал". Эта мысль отчетливо звучит в заголовке раздела "Использование остаточной трудоспособности пенсионеров по возрасту" (с. 152). По мысли авторов, реабилитация пожилых и старых людей "дает значительный экономический эффект, поскольку освобождает от ухода за больными стариками большое количество медицинского персонала, в случае помещения их в больницу, а также родственников, избавляя их от необходимости оставить профессиональную деятельность" (с. 214). В пособии обойдены проблема активизации личностного потенциала пожилых людей и вопросы, связанные с образовательными, социально-политическими, рекреационными, коммуникативными практиками включения пожилых людей в социальные взаимодействия. Конечно, пожилой человек в силу объективных оснований не может сохранять все многообразие функций, ограничение которых происходит, главным образом, в экономической сфере. Настоятельно необходимым для пожилых становится получение компенсации в неэкономических, неутилитарных сферах - социальной, религиозной, воспитательной, эстетической, рекреационной. Именно в пожилом возрасте курс жизни может перейти от сферы непосредственных целей, направленных на удовлетворение необходимых нужд, к созданию интеллектуальных, эстетических ценностей.

Авторы переработали изрядное количество литературных источников, упоминая в тексте более ста имен античных мыслителей, классиков философии, современных ученых, зарубежных и отечественных геронтологов, лишь двенадцать из которых удостоились места в библиографическом списке пособия. Вызывают недоумение, в свою очередь, шестьдесят других источников из библиографии, которые вообще не упоминаются в тексте ни разу. Такой подход к составлению списка литературы затрудняет работу с материалом, лишая возможности самостоятельного познавательного поиска. К тому же ряд фрагментов заимствуется без ссылки на автора и публикацию. В аннотации указывается, что данное "издание является первым учебным пособием, освещающим в простой и доступной форме основы общей и социальной геронтологии", но почему-то при этом игнорируется тот факт, что двумя годами раньше тиражом 5 тысяч экземпляров вышло учебное пособие с аналогичным названием [5].

В наше нелегкое время "нельзя забывать о том, что при беседе со старым чело-

веком нужно стараться сохранять на лице выражение интереса, сочувствия и доброжелательности" (с. 214). К сожалению, многие из нас так и оставляют на себе доброжелательную маску, скрывая под ней безразличие и некомпетентность, а порой презрение и враждебность по отношению к пожилым людям. Пособие вышло тиражом 10 тысяч экземпляров, оно рекомендовано Министерством образования РФ для вузов и адресовано студентам, работникам системы социальной защиты населения, врачам, работающим в стационарных учреждениях социального обслуживания, пожилым и старым людям. Позволит ли оно "преодолеть возникновение геронтофобии как к старым людям, так и к собственному будущему старению, проникнуться гуманностью и чувством общественной необходимости своей профессии"? Очевидная фабула книги такова, что индивидуальная история жизни каждого человека расслаивается на нормальный (молодость) и патологический (старость) этапы, и социум исключает, маргинализует старость. Очень многие фрагменты текста пособия несут оттенок эйджизма* - дискриминации по возрасту - и противоречат не только этике, но и всей идеологии, теориям и стратегиям социальной работы.

М.Э. ЕЛЮТИНА,
доктор социологических наук, профессор;

Е.А. МАВРИНА,
доктор медицинских наук, профессор;

Е.Р. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА,
доктор социологических наук,
зав. кафедрой социальной работы
Саратовского государственного
технического университета

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елютина М.Э. Геронтология социальная / Российская энциклопедия социальной работы. М.: Ин-т социальной работы. С. 88-92.
2. См., напр. *Enright R..B., Jr. (Ed.) Perspectives in Social Gerontology*. Boston, London: Allyn and Bacon. 1994; *Kurt C.S. The Realities of Aging. An Introduction to Gerontology*. 4th edition. Boston, London: Allyn and Bacon, 1994.
3. Елютина М.Э. Историко-понятийная рефлексия слова "старость" / Российский журнал социальной работы. № 1/7, 1998. С. 23-28.
4. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности / Социол. исслед. № 4. 1999. С. 38—45; Елютина М.Э. Социogerонтологические теории / Российский журнал социальной работы. № 2/6, 1997. С. 9-15.
5. Альперович В.Д. Социальная геронтология. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 576 с.

* Термин эйджизм (ageism) был введен в 1968 г. американским геронтологом Робертом Батлером в значении систематического стереотипизирования и дискриминации людей по их возрасту, подобно расизму и сексизму, которые действуют аналогично в связи с цветом кожи и полом. Эйджизм определяет пожилых как слабоумных, ригидных в мышлении и манерах, старомодных в морали и навыках, отличающихся от молодых и как в меньшей степени людей.